

Олимпиада по литературе
Муниципальный этап

10 класс

Задание 1. Аналитическое задание.

**Проведите целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического
(выбор типа текста – право участника олимпиады):**

Выполните целостный анализ произведения **Владимира Найдина**. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: портретные характеристики образов; роль эпитафия в структуре текста; тема времени в рассказе; синтаксические особенности в повествовании.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владимир Найдин. Эльфы-хромоножки

Дети разных народов —

Мы мечтою о мире живем...

Гимн демократической молодежи

Старые фотографии интересны только тем персонам, которые на них отображены. Ну, может быть, еще кому-то из близких или родственников. Этот близкий смотрит и думает: “Боже мой! Как он (или она) изменился! Кошмар какой-то! Что время делает...”. И все. А вот сам объект может вспомнить и рассказать очень многое. Беда в том, что все это вспоминаемое никому другому не интересно. Потому что не окрашено никаким цветом, не пропитано запахом и не звучит в твоих ушах. А главное — не царапает тебя своими краями, углами, неровностями, из которых и рождается волнующее тебя воспоминание.

Фото: я сижу на краю кровати, за спиной — никелированная дуга, и на ней — больничное полотенце. Полосатое. Я во врачебном одеянии — хирургический халат с завязочками сзади, круглая шапочка, волосы аккуратно подстрижены и убраны под шапочку. Хирургическая маска висит на шее (чтоб никого не заразить). Но я и не болен. Чуть улыбаюсь. В глазах абсолютно тупая надежда на светлое будущее. Узнаете? Себя помните в таком благостном виде?

На моих коленях сидит мальчик. Темненький. Но не чернокожий. И, пожалуй, не таджик и не узбек. Глаза круглые, большие. Смотрит печально и настороженно. Новенький. Видно, что всего натерпелся. Полосатая пижама, почти арестантская. Он цейлонец. Вот как! Фестиваль молодежи приоткрыл щелку в нашем могучем железном занавесе, и в эту щелку стали протискиваться разные люди. Некоторые — из любопытства, а некоторые — по делу.

Мальчика, — звали его Меван, и ему было пять лет, — привезла прогрессивная мама. В чем прогресс? Ну все-таки Россия, северная страна. От Цейлона за тысячи миль. Незнакомо все: люди, язык, пища, одежда. По-

английски никто не говорит. И, главное, не понимает. Но у мальчика парализована ножка. Полиомиелит. У мамы нехитрый расчет — подлечить ребенку ножку и обучить его редкому русскому языку. Сингальский и английский он уже знает, выучит русский — будет уже три языка. Правильно мама мыслит.

Два денечка пожила с ним в больнице, спала на диване в кабинете главврача. Поцеловала мальчика крепко, утерла слезки ему и себе, у темнокожих они такие же прозрачные и соленые, как у белокожих (наверное, как и у желто-краснокожих), и укатила. Он поплакал полчасика и пошел на процедуры — массаж и гимнастику, а потом в игровую комнату, была у нас и такая. А там его ждала теплая компания — румын Иона, грузинка Мака, подмосковные Раечка Симкина и душа любой компании Владик Сорокин. У него и вообще-то мамы не было, он из детского дома прибыл. Мать бросила.

Всем им было от пяти до семи лет, и все они были черноглазыми и веселыми. Черноокими — потому что порода такая: цейлонец, грузинка, румын, а Раечка — потому как еврейка. Один Владик прозрачно-голубоглазый и вообще белокурый. Красавчик. А веселыми — от полноты жизни.

Это был 57-й год — разгар полиомиелитной трагедии. Ее пик пришелся на 54—55-й годы, но парализованные детишки сгрудились в больнице к 57—58-му году.

Вакцины американцев Сэбина и Солка уже в мире появились, в Союзе академик Чумаков на макаках тоже уже получил это снадобье. Но весь вопрос в том, чтобы кольнуть малыша до болезни, а не после. А у наших маленьких пациентов все уже, увы, состоялось. Укусил-таки проклятый вирус. Такой изощренный гад — поражает только серое вещество спинного мозга и только передние рога. Серое вещество выглядит, как бабочка: передние крылья-рожки — в них исключительно двигательные клетки, а задние рожки — в них чувствительные клетки. Так этот, как говорит мой внук Гриша, “помоечный гад” (Грише девять лет, и он тянется к биологии) поражает только передние клетки-рога, а на задние даже не обращает внимания. Результат — параличи разной степени тяжести при полной сохранности чувствительности.

И маленький страдалец все чувствует, все знает, понимает, а шевельнуть рукой-ногой, а иногда и всем туловищем — не может. Драма! А еще есть мнение опытных врачей, что вирус охотней внедряется в организмы тонко организованных детей — умных, чутких, глубоко чувствующих мир.

Вот такие пироги. У этого вируса есть еще одна зловредная особенность — пересаживаясь с одного человека на другого, он крепнет и озлобляется, становится все более ядовитым (по-научному — вирулентным). И, в конце концов, может совсем погубить человека. Вирус-убийца. Так что Нобелевская премия американским вирусологам досталась по заслугам.

Но наши ребятки об этом не ведали, а просто продолжали жить. У Мевана была поражена только ножка. Вот он на другой фотографии — в костюмчике, с

плюшевым медведем на руках. Одна нога отставлена, он на нее почти не опирается. Но лицо веселое. В детстве дефекты тела не приносят таких страданий, как у взрослых. Он ходил и даже бегал, сильно хромая и придерживая коленку рукой. Такой “хром, хром, где твой дом?”.

Мака тоже была хромоножка и тоже бегала, опираясь на коленку рукой. Бегала стремительно, на ходу выкрикивая какие-то грузинские ругательства. Очень темпераментная особа. Волосы прямые, разлетные, глаза — черные угольки, и нос слегка крючком. Но он ее не портил, а украшал. Губы тонкие, сжатые. Чуть что — дерется. Прямо кулаком по носу — бах! Но быстро мирилась. Отдавала свои игрушки, сладости. Жалела побитого. С Меваном дружила, не дралась. Только густые бровки хмурила, если что не так. Они у нее сходились прямо на переносице.

Румын Иону был худеньким долговязым мальчиком. Он очень сильно пострадал — паралич ног и частично рук. Передвигаться мог только в специальных таторах-аппаратах, в корсете и опираясь на два костыля. Говорил он по-русски с акцентом и смешно завывал в конце слов, если они кончались на гласную: мамау, папау, Макау. Дети смеялись, он тоже вместе с ними. А вот имя цейлонца он произносил твердо — Меван. Он был совершенно незлобив, и ребята его любили.

Когда с ним случилось несчастье, все были подавлены и даже поплакали несколько дней. Вечером он поскользнулся на кафельном полу, костыли поехали куда-то вбок, и он грохнулся со всего маху, даже не успев подставить параличные руки. Ударился головой об угол детского столика — внутримозговая гематома. Ночью приезжал нейрохирург, срочно его оперировал и забрал в свою больницу, там он и умер на следующий день. Всех врачей наказали, неизвестно за что. Даже мне, молодому инструктору лечебной физкультуры, и то изрядно перепало. Нашего главного врача, неуязвимую и монументальную Таисию Петровну, по партийной линии тряхнули как следует, что не углядела.

Но мальчика не вернешь, очень жаль. Хотя впереди его ждали годы и годы мучений. Тем более, он был совершенно не приспособленным к обыденной жизни — деликатное и беззащитное существо.

Вот, к примеру, Владик Сорокин. По виду — совершенный херувим, эльф, только без крылышек. Вместо них — торчащие лопатки. У него не только ножки, но и спинка была поражена. Он все время лежал. Сидеть мог только в корсете. Но был боевым. Всем ребятам придумал клички-прозвища: Мака-Бяка, Рая — Первое мая, Меван — цейлонский чай. А его называли Сорока-Балаболка. Очень был речистый. И озорной. Если не мог дозваться нянечку с “уткой”, а это бывало сплошь и рядом, открывал одеяло и аккуратной струйкой писал на соседнюю кровать. Такой устраивал деликатный фонтанчик. Никто ничего не успевал заметить, а он уже укрывался одеялом и вслух придумывал балабольные стишки. Сухо и хорошо.

Меван был совсем иным человеком, как с другой планеты. Мать привезла его в середине зимы, и он с изумлением рассматривал снег, осторожно трогал его лопаткой, пытался взять в рот, лепил снежки и смеялся. У него самого зубы были снежной белизны.

А когда наступила весна, он ужасно забеспокоился и стал требовать, чтобы ему надели белые штаны. “Лето, тепло, дядя Вова, надо в белых штанах. В белых. Не в черных”. Я представлял себя в белых пижонских брюках, это в те-то годы (!) и нервно смеялся. Женщины его тоже удивляли — в темных юбках и мрачных блузках. “Надо сари носить, сари — это хорошо, красиво”. Наши не слишком умные медсестры по-своему реагировали на его критику. Вечером, когда дети уже лежали в кроватках и свет был погашен, они появлялись в проеме двери в накинутых, наподобие сари, простынях и делали, как им казалось, изящные индийские танцевальные движения. Это было время индийских кинофильмов. “Радж Капур, посмотри на этих дур”, — эти стишки были как раз про них.

Меван вскидывался: “Мама, мама приехала!”. А потом разочарованно сникал. Когда мы об этом узнали, особенно наши семейные женщины-врачи, то этих дурех отругали, застыдили. Но с них как с гуся вода. Бездетные пока были, да и жестокосердные. Такая ментальность.

А Меван все больше тосковал по дому. Я упросил главврача отдавать мне его на выходные. Моя мама и тетки с удовольствием с ним возились. Я был еще не женат и тоже свободен. Мы ходили на Красную площадь, рассматривали Мавзолей. Вовнутрь не входили, чтобы не пугать ребенка. Он читал по-русски: “Ленин” и “Сталин”, потом громко спрашивал: “А Хрущев здесь не лежит? Почему? Там нет места? А когда он там будет лежать?” Мы переглядывались, давясь смехом, и поскорей его уводили — от греха подальше. Мы его скорее увозили в зоопарк или в планетарий, — в то далекое время он еще исправно работал и завлекал картинами мироздания. Меван смотрел на огромную Луну и мечтательно говорил: “Как дома”.

Его мать часто присылала в больницу письма на мое имя, но их забирала главная врачиха и отсылала куда надо. Потом мне их вернули, и они сохранились, правда, куда-то задевались. Но я их обязательно найду, дам перевести с английского моему младшему сыну Игорю или зятю Алеше и почувствую ту щемящую атмосферу другого, незнакомого и таинственно-привлекательного мира, в который меня переносил ласковый темнокожий мальчик.

Потом детишки разлетелись, потерялись, и след их размыло. Почти. Почти, потому что недавно нашлась Раечка Симкина, она доцент в каком-то сибирском вузе. И, прочитав мою книжку врачебных рассказов, связалась со мной по электронной почте. Мы будем переписываться, и я надеюсь узнать, как сложилась судьба маленьких страдальцев-эльфов.

ИЛИ

Поэзия: выполните целостный анализ произведения **Бориса Пастернака**. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: визуальный ряд стихотворения (с какой картиной он связан?), предметная детализация и ее функции в создании художественного пространства, особенности лирической коммуникации (кто и к кому обращается в стихотворении?).

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Борис Пастернак. Ночь

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши

Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник
У времени в плену.
1956 г.

Задание 2. Творческое задание

Ознакомьтесь с рекламным описанием произведения, сделанным на основе анализа обложки и размещённым в известном литературном канале «Книжный Лис» в популярном мессенджере Телеграм.

«Наринэ Абгарян. «С неба упали три яблока».

Я очень люблю душевные, тёплые книги о жизни, быстротечности времени и поворотах судьбы, настолько непредсказуемых, что ущипнуть себя хочется: «Не сон ли?». И книга Абгарян как раз такая.

После войны жители небольшой деревеньки Марана отказались покидать дома и остались доживать свой век высоко в горах Маниш-кара. Со временем про горстку упрямых стариков и вовсе забыли. Отрезанные от внешнего мира, они возвращаются к привычному укладу жизни. Да, деревню больше не посещает цирк на колёсах, торговцы восточных сладостей и цыгане. Но каждый житель Марана знает односельчанина, как родного брата, знает его горести, болезни и радости. От поколения к поколению передавался участливый, добрососедский распорядок. Пусть твой сосед ворчун и скряга, ты знаешь, что в

любой момент можешь обратиться за помощью, и сам никогда не упустишь возможности сделать другого счастливым. Не это ли позволяет ощущать жизнь как дар, а не данность.

В Маране сильна связь с предками и многие повторяют их судьбу (правда, не так фатально, как в «Сто лет одиночества»). В зависимости от дел предков, или по воле случая, целый род получал своё прозвище — забавное и смешное. Жители деревни верят в сны, провидение и что каждое испытание отводит одну беду. Абгарян рассказывает истории нескольких семей. Истории о силе человеческого духа. И вот ты уже чувствуешь запах свежескошенной травы, целебных отваров, вон сосед кормит гусей, а кузнец несёт жене выкованную из металла розу. И кажется, так легко будет всегда, пока бездонная ночь роняет с неба три яблока: тому, кто видел, кто рассказывал и кто слушая, верил в добро.

Подождите-ка, это что там белый павлин гордо выхаживает по двору?»

Сделайте рекламное описание произведения с разбором *последней* строчки (она подчёркнута) для своего литературного канала в Телеграм:

А.С. Грибоедов «Горе от ума».

Фамусов:

...Ах! Боже мой! что станет говорить

Княгиня Марья Алексевна!